

НАДЕЖДА МАРЕЕВА

«Плоды злонравия»

Мы для кого-то были «модными»,
Кого-то славой мы обидели,
но вас

мы сделали свободными,
сегодняшние оскорбители.
Пугали наши вкусы,

склонности,
И то, что слишком забываемся,
а мы не умерли от скромности
и умирать не собираемся.

Евг. Евтушенко (1993 год)

Не так давно мною была написана небольшая статья «О том, что наболело». Речь в ней идет о том, что в утрате живой культурной связи между поколениями главная вина лежит на «шестидесятниках», в свое время уклонившихся от диалога как с теми, кто был старше, так и с теми, кто шел им на смену. Реакция была вполне — ожидаемой, ведь эти люди, подобно красивой избалованной женщине, не терпят, если им предъявляют претензии за перерасход при покупке чего-либо дорогого. Они, мол, и так травмированы сначала брежневским «застоем», о который, как о берлинскую стену, разбилась их полная надежд юность, а затем — и «перестройкой», когда стена рухнула и подувший ветер перемен разметал их стройные колонны.

«Мы были искренни в своих заблуждениях», — говорят они. В том,

что именно с них началось культурное разложение, «шестидесятников» не заставишь признаться и под пыткой. С какой стати? Они ведь всегда были очень просвещенными и одаренными. А то, что просвещенность и одаренность не передались их детям и внукам, — проблема и вина кого угодно, только не их самих. Мне было также сказано, что в разговоре о «шестидесятниках» я привела мало конкретных фактов и имен. Попробую это исправить, хотя и без особого восторга.

Люди, о которых идет речь, сейчас переживают не лучшие времена. Кроме того, даже в виртуальном споре с ними у меня слишком выгодная позиция: моему поколению известно о них все, им о моем — ничего. Ведь оно их никогда не интересовало. Скажу честно: до определенного момента и они меня тоже занимали

мало — в отличие от тех, кто был до них. Но попробуйте-ка дотянуться до старого МХАТа, если на пути стоят бастионы «Таганки» и «Современника»! Рискните признаться, что стихи К. Симонова кому-то могут быть интереснее, чем А. Вознесенского, а песни В. Соловьева-Седого милее, чем В. Высоцкого! Или намекните на то, что великими некоторые считают фильмы раннего, а не позднего М. Ромма! Будьте уверены: вас поймут немногие...

Однако пора перейти к сути дела.

Они засели на высотах,
И ночью сумрачной и днем
Нас давят громом пулеметов
И заливают нас огнем.

А мы лежим в проклятой пади,
Глотая стелющийся дым...
Но ни одной продрогшей пяди
Не отдадим,
Не отдадим!

Ник. Старшинов (1943 год)

Эмблемой «шестидесятников» могла бы стать змея, кусающая собственный хвост, поскольку их «субкультура» явила две категории, точнее — два ее типа, из которых один поглотил другой. К первому типу — его следовало бы называть «протошестидесятниками» — относятся те, кто был старше по возрасту, прошел через войну, отличался внутренней цельностью и стойкостью убеждений. Впоследствии они, увы, не смогли противостоять давлению «критической» массы тех, кто был моложе и бесцеремоннее, — «шестидесятников» как таковых, рожденных между 1935 и 1948 годами. Людей, создавших, так сказать, тенденцию. Хотя стоит отметить, что к ним примыкала определенная часть людей «первого типа» — Даниил Гранин, Юрий Нагибин, Петр Тодоровский, Александр Зиновьев. У вторых тоже

были аутсайдеры, более подходившие под «фронтovou» тип. Но это уже не «шестидесятники», а «почвенники» — такие, как Николай Рубцов и Василий Шукшин.

«Фронтovou» тип — это Григорий Чухрай, Эвальд Ильенков, Семен Гудзенко, Юрий Бондарев, Константин Воробьев, Юлия Друнина, Николай Старшинов, а с ними — еще несколько десятков имен, в основном — выходцев из среды московской и ленинградской интеллигенции. Их биографии точно созданы по единому образцу: оборванная войной учеба в институтах и техникумах (а иногда и в средней школе), затем ускоренный курс военного училища, фронт, ранения, награды, а после Победы — сложное вживание в мирную обстановку. Надо отдать им должное — в отличие от героев Ремарка, почти каждый завершил начатое до войны образование. Они были очень добросовестными и честными. И верными идеалам, на которых выросли. Они очень живо ощущали «нравственный закон внутри нас», не позволивший им отсидеться в тылу на студенческих скамьях, дававших бронь.

Еще в них заметны строгость и определенность тех, кто был готов умереть, но в игре со смертью получил неожиданный выигрыш. Людей этого типа в послевоенных аудиториях узнавали среди прочих по офицерским планшетам, в которых они носили книги и тетради. Было ли в этом что-то показное? Трудно сказать, но это определенно раздражало всех остальных — тех, у кого не было планшетов, нашивок за ранения или орденских планок. Озлобленный войной тыл был более жесток и примитивен, чем его показывают в кинофильмах. В девушках-фронтovichках московское мещанство видело легкомысленных искательниц приключений (ведь на

фронт они шли добровольно); в молодых парнях в выцветших гимнастерках — реальный упрек тому наглядному аморализму, в который скатилась значительная часть общества по другую сторону фронта. Об этом все знали и, как водится, старались поскорее забыть. Ветераны раздражали. Думаю, что особенно это касалось молодых ветеранов «из образованных», поскольку они вовсе не стремились морально разлагаться, наверстывая упущенное за годы военной юности. Они были другими — теми, кто увидел за два-три года больше ужасов и страданий, чем их младшие братья и сестры за целую жизнь, и тыловые «радости жизни» были для них попросту несъедобными.

Пусть живые запомнят,
и пусть поколения знают
эту взятую с боем суровую правду солдат.
И твои костыли, и смертельная рана сквозная,
и могилы над Волгой,
где тысячи юных лежат, —
это наша судьба, это с ней
мы ругались и пели,
подымались в атаку и рвали над Бугом мосты.
...Нас не нужно жалеть,
ведь и мы никого б не жалели,
Мы пред нашей Россией
и в трудное время чисты.

Семен Гудзенко. «Мое поколение» (1945 год)

Д о чего же не выносили эту чистоту те, кто сам не был столь же чист! Однажды, в далеком 1987 году преподаватель истории, инвалид войны, рассказал нам, первокурсникам, случай из своей жизни, который, думается, донине вопиет к небесам. «Это было года через два после двадцатого съезда (значит, где-то году в 1958—1959-м. — *Н. М.*). Мы с фронтовым другом, приехавшим ко мне в Москву, пошли в театр. Я был давно демобилизован, он — недавно, и в театр надел еще новую офицерскую форму, разумеется, с орденами и медалями. В антракте его окружила молодежь, на вид — студенты со сво-

ими девушками. Они подняли его на смех за то, что он открыто носит свой “иконостас”. Это мол, пошлость и вызов современности, их современности, что он как ходячий “вчерашний день”. Друг, оскорбленный до глубины души, немедленно пошел в туалет, сорвал все свои награды и бросил в унитаз. Будь у него пистолет, он, наверное, застрелился бы, но ведь он уже был демобилизован».

Откровенно говоря, много «страшилок» узнала я в последующей жизни, но эта история добровольной гражданской казни остается одной из самых жутких на моей памяти. Ясно, что столичные мажоры, глумившиеся над фронтовиком (чей поступок трудно одобрить, но можно понять), и были «дети XX съезда», «походники», «физики», «лирики». Короче — «шестидесятники» в чистом виде. Спустя годы они сочли удобным и своевременным приписать себе часть добродетелей военной молодежи и даже писать стихи и песни от их имени. Но при этом сами были явно другими.

Стал глаза я прятать как побитый,
Чтоб их не склевало воронье.
Армия, разбитая победой, —
это поколение мое.

Евг. Евтушенко (1993 год)

П ри всем неприятии большинства «жизненных ценностей» этого круга лиц, нельзя не отметить похвальной черты, свойственной практически каждому из его представителей: они не лгут, когда говорят о себе. Или им просто не приходит в голову, что кого-то их откровенность может оттолкнуть или шокировать? У Роберта Л. Стивенсона есть персонаж — герой романа «Владелец Балантрэ», авантюрист и прожигатель жизни, который все альтернативы на своем пути решал посредством жребия, подбрасывая монету. Когда один из сото-

варищей упрекнул его за подобное ребячество, он ответил: «Я не знаю лучшего способа выразить свое презрение к человеческому разуму». Вот и Андрей Сергеевич (Андрон) Кончаловский, назвав книгу своих мемуаров «Низкие истины», также хотел показать свое неприятие высоких истин всех предыдущих поколений.

Например, очень древняя истина гласит: не заботьтесь о том, что вам есть и что пить, и во что одеваться. Сверстники Кончаловского выбрали противоположный принцип, создав особый, романтизированный ныне типаж «стиляги». Военное поколение не имело ни выбора, ни возможности носить одежду по вкусу, но только не «шестидесятники»! Вот что пишет Кончаловский: «Когда мне было шестнадцать, Мите Федоровскому, внуку Федора Федоровского, главного художника Большого театра, было двадцать, он учился во ВГИКе. Его мать сшила ему невероятно узкие брючки на “молниях”, и я умирал от желания иметь точно такие же. Он стал таскать меня в компании таких же, как он, молодых оболтусов, “золотой молодежи”... Там был Виктор Суходрев, впоследствии переводчик Брежнева. Он был очарователен, ничем не походил на русского, феноменально говорил по-английски — он был сыном дипломата, учился в Англии. Я просто шатался от его американских галстуков с абстрактным рисунком»¹. И так далее и тому подобное...

Василий Аксенов описывает, как собственноручно кроил и шил из шинельного сукна пальто-балахон до пят — наподобие того, в котором приезжал в Москву Ив Монтан. Наталья Бондарчук вспоминает, как ее девичье сердце было покорено длинными шарфами и беретами с пом-

поном, которые носил Андрей Тарковский. Владимир Высоцкий, если верить свидетельствам его друзей, переодевался по три раза на дню — так необъятен был его гардероб! Евгений Евтушенко и доныне носит все только пестрое и разноцветное, объясняя это тем, что в его юности одежда была серой и бесцветной, и это задело его на всю жизнь. Так что категорический императив «шестидесятников» гласит: непременно и неустанно заботьтесь о том, во что вам одеваться; и если в государстве дефицит модного заграничного тряпья — уничтожьте это государство, оно того стоит!

Кстати, о том, что есть и что пить, тоже не следует забывать. Лучше всего есть и пить в ресторанах, в хорошей мужской компании. Если нет свободных мест, умейте задобрить или обмануть администратора (как это делается, смотрите в фильме М. Ромма «Девять дней одного года» и ряде других). Впрочем, все это еще вполне невинно...

Истина вторая: все люди созданы равными. Если говорить о равенстве мужчин и женщин, то «шестидесятники» сказали на это свое решительное «нет». Не словом, а делом. Для них все выглядит так: женщина создана в качестве бесплатного приложения к мужчине. Почти во всех фильмах той поры есть соблазненная парнем девушка («Человек родился» (1956), «Летят журавли» (1957), «Сверстницы» (1959), «Женщины» (1966)). Тогда у большинства молодых фильмы Ивана Пырьева вызывали приступы смеха, их называли «фанерой» из-за обилия павильонных съемок. Но в этой «фанере» почти всегда из-за главной героини соперничают как минимум двое, женщина или девушка внушает уважение, ее любовь стараются заслужить. В период «оттепели» все поменялось: слабый пол обесценился, жен-

¹ А. С. Кончаловский. Низкие истины. Семь лет спустя. М., 2007. С. 105.

щин после войны оказалось слишком много, теперь они стали бороться за любовь мужчин, и чаще всего безуспешно.

Шестидесятые,
какие времена!
Поэзия страну встряхнула за уши.
Чего-то ожидала вся страна,
а девочка —
того, чтоб выйти замуж, и...
А может, просто медленной любви?
Но мы тогда с нахрапистостью бычьей
в любви ввели немедленность в обычай
И принимали —
да простит нам Бог! —
за лицемерье робость недотрог...

Евг. Евтушенко.
«Медленная любовь» (1994 год)

Что ж, как говорят, спасибо за правду! В мемуарах Кончаловского есть также обезоруживающий откровенностью рассказ о том, как они с приятелем разглядывали в бинокль в окне соседнего дома «голую женщину в очках, и мужчину тоже голого и тоже в очках». Наблюдая чужую интимную жизнь, они не только не стыдились, но еще и звали других разделить это сомнительное удовольствие. «Через этот боевой пост прошли Овчинников, Тарковский, Ашкинази, Чесноков, Шпаликов, Урбанский — все, кто бывал у меня, без исключений»². А нам еще говорят, что «шестидесятники» были романтичны. Если такова романтика, что же тогда цинизм? Пусть бы эти двое хотя бы не были в очках и выглядели, как Дафнис и Хлоя! Но, возможно, очки — художественный прием, вставка, «дорисованная» поклонником Луиса Бунюэля.

Еще одна деталь типажа «шестидесятника» — бескорыстное кокетство и потребность очаровывать все и вся. Это многовековое свойство женской природы молодые мужчины эпохи «оттепели» сделали своей монополией.

Вот сцена из их «культового» романа «Иду на грозу»:

«Тулин снял пиджак, повесил на спинку стула, засучил рукава модной грубошерстной рубашки и принялся за салат, кефир, яичницу, сосиски, выпил стакан кофе, съел бутерброды с сыром, с ветчиной, с колбасой и почувствовал себя снова волшебником (так что заботьтесь о том, что вам есть и что пить, это очень важно! — *Н.М.*).

— А хвастались, — сказала официантка. — Я думала, вы только начинаете.

Он посмотрел ей в глаза.

— Мужчина всегда обещает больше, чем может.

— Это верно, — она засмеялась, не отводя взгляда.

— Я не хочу показаться обжорой, а то вы измените мнение обо мне.

— Будто вы знаете, какого я мнения о вас?

— Я все знаю. Я знаю: вам противны жующие мужчины. Целый день вы видите жующих мужчин. Вам может понравиться только мужчина, который ничего не ест.

Неутолимое желание очаровывать всех, первого встречного, словно и эту официантку необходимо было завоевать [sic!]. Взглянув поверх ее головы, он сказал:

— Уберите салфетки, будет дождь.

— Прямо-таки! С чего вы взяли?

— Я же вам сказал, что знаю все.

Он шел вдоль пруда, наблюдая, как в вышине быстро вспухает сизое облако. Официантка смотрела ему вслед. Это была милая девушка, с ней приятно было бы погулять вечером в парке, но завтра он уедет, и поэтому он ничего не мог обещать ей. Он почувствовал ее огорчение и подумал о том, как трудно доставлять окружающим одну только радость, чистую радость, без привкуса сожаления»³.

² Там же. С. 118.

³ Д. Гранин. Иду на грозу. М., 1966. С. 2—3.

Признаться, в этом глупом и бесцельном флирте есть какая-то неуловимая извращенность. «Лирик» Кончаловский с его биноклем куда предпочтительнее этого «физика» Тулина с его пошловатой «куртуазностью». Хорошо, что данный типаж изжил себя, по крайней мере в интеллигентской среде.

Эти люди растратили наследие отцов, ничего к нему не добавив реально ценного, непреходящего, вечного. Они вообще не думали о вечном. О времени тоже старались не думать... И тем более о старости. Они не разговаривали с собственными родителями (о чем с ними говорить, если те служили Сталину и искренне его почитали, а деды и бабки вообще верили в Бога — что с них взять?). И уж конечно, им не о чем было беседовать со своими детьми — какие дети, если собственное детство никогда не кончалось, только игрушки менялись и усложнялись! А потом их дети выросли и породили собственных детей — таких же духовно глухих и слепых, как они сами. Это закономерно.

Вы помните давние годы?
 Вы помните смертные клятвы?
 Вы помните дивную милость
 Владыки Земли — Сатаны?
 А чем вы ему заплатили?
 Какие вы сеяли зерна?
 Какая ботва уродилась
 На пажитях вашей страны?

Л. Н. Гумилев.
 «Волшебные папиросы» (1989 год)

Не хочу сказать, что «шестидесятники» грешили больше моих друзей в студенческие годы, — вовсе нет. Но почему все исходящее от них должно быть достойно восхищения? Кого в наши дни удивит раскрепощенность? Никого. А вот как долго эта тема может питать искусство, питать культуру? Долго ли может привлекать даже самая

изысканная форма художественного произведения, если содержание убого и мелко? И что делать тем, для кого проблемы «шестидесятников» давно решены? Вот мы и наелись, и оделись, и перепробовали все виды свободной любви. От советского наследия нас избавили — никто не давит, не контролирует, не выслеживает. Можно все. Но не найти ни правды среди множества отдельных правд, ни общей темы, поскольку никому не интересно мнение другого, ни уважения, ни веры, ни простого человеческого тепла.

Когда поседевшие ныне ученики Сергея Герасимова, Галины Улановой или Василия Меркурьева в убогих телепередачах, посвященных этим мастерам, вспоминают с ностальгией о том, какими внимательными, самоотверженными, любящими и заботливыми были их учителя, каждый раз мне хочется спросить: где же ваши собственные ученики? почему вы никому не передали этой заботы, любви, внимания, а главное — мастерства? и если они могли это делать среди всеобщей несвободы, то почему вы не можете в эпоху едва ли не избыточной свободы? Вопрос остается открытым — ведь я не могу ответить за них. Но определенно главный порок всех «шестидесятников», даже самых достойных из них, — это бесплодие. У них нет учеников, которые почтили бы их после их ухода. Расплата за гедонизм — как физический, так и духовный. Мой любимый рассказ из жизни Древней Спарты: молодой человек во время военных учений не встал при входе знаменитого полководца Деркеллида и в ответ на замечание сказал: «У тебя нет сына, который мог бы впоследствии встать передо мной!»

Легко все свалить на коммунистическую номенклатуру, «железный занавес» и т. д. Однако вот факты биографии Самуила Маршака, приведен-

ные им самим. Номенклатура царской России была не менее примитивной и агрессивной, чем «при Брежнев», но сыну заводского мастера удалось поступить в гимназию, куда его приняли не сразу «из-за существовавшей тогда для учеников-евреев процентной нормы». Он начал сочинять стихи. В автобиографии говорится: «Многим обязан я одному из моих гимназических учителей, Владимиру Ивановичу Теплых, который стремился привить ученикам любовь к строгому и простому, лишенному вычурности и банальности языку»⁴. Нельзя привить то, чего нет. Значит, этот учитель сам в полной мере имел такую любовь к родному языку, которая и была передана, по крайней мере, одному из его учеников — еврейскому мальчику с судьбой русского писателя, переводчика, поэта, одного из создателей великой (не побоюсь этого слова!) детской литературы XX века. И никакая «система» или «антисистема» не смогли этому помешать.

Возможно, я склонна идеализировать поколение Самуила Маршака, Исаака Шварца и Ивана Пырьева. Но с чем невозможно спорить, так это с отчетливым различием жизненных позиций интеллигенции до и после войны. Те, выбирая род занятий, растворяли в нем свое «я», и дело, которому они служили, было для них важнее и интереснее собственной личности и, пожалуй, своей индивидуальной судьбы. Потому их характеры и судьбы были столь яркими, а плоды трудов — непреходящими. Мы почти не помним их лиц, не знаем, каковы были их вкусы, пристрастия, вредные

привычки, или сколько жен они сменили... Почему? Потому что все это если и было в их жизни, то оставалось за пределами той работы, которую они вели. Есть литература, музыка, многотомные монографии, научные открытия, снятые фильмы, сыгранные роли — но нет скандальной памяти, сомнительной славы, нет истории непонятых гениев. Между тем все созданное «шестидесятниками», особенно их сочинительство, — бесконечная галерея автопортретов: «со мною вот что происходит», «я люблю», «я не люблю», «я хотел бы» и т. д. Чего стоят, например, такие строки (сознательно не называю автора, но он — «шестидесятник»):

Не хочу сказать, что
шестидесятники грешили
больше моих друзей
в студенческие годы, вовсе нет.
Но почему все исходящее
от них должно быть
достойно восхищения?

Я друга потерял, а вы мне о стране,
Я друга потерял, а вы мне о народе,

На черта мне страна, где лишь цена
в цене,
На черта мне народ, где рабство
и в свободе.

Они не последовали за старшими в их главном принципе «мой народ и я», создав себе новый по качеству и сути, а именно: «я и все остальные». Это удобный, приятный и даже не лишенный шарма имидж молодого таланта, распускающегося цветка. Подобным нарциссизмом так или иначе отличались многие и до «шестидесятников». Но у тех, прежних, это проходило с возрастом, постепенно претворяясь в самоотречение и служение; у этих же оста-

⁴ С. Маршак. Дети нашего двора. М., 2008. С. 6.

лось до гробовой доски, став их второй натурой. Итогом стала пустота...

Не так давно некая «блоггерша» немолодых лет выложила на своем сайте фотографии советских кукол периода «застоя» (весьма безрадостное, между прочим, зрелище!), сопроводив их сакраментальной надписью: «И плюньте в лицо тому, кто после этого скажет, что СССР был “империей зла”!!!» Посетители сайта оставили немало комментариев, среди них запомнился такой: «Жалко, что СССР не был Империей Зла. Слишком добрым был, потому и

развалился “за джинсы и жвачку”. Лучше быть Империей Зла, чем империей низкопоклонства и холуйства перед иностранщиной!»

Имеющий уши, да услышит! Но «шестидесятники» глухи к тому, что говорит молодежь сегодня. Жаль, очень жаль! Не знаю, чьим молитвам мы обязаны тем, что молодые «хунвейбины», бесновавшиеся в декабре позапрошлого года у кремлевских стен, еще не обрели своего вожака. Но кто или что помешает ему появиться уже завтра? Век «шестидесятников» миновал, и не им, а нам иметь дело со всей этой «биомассой». Но, тем не менее, она — их порождение. ◆